

УДК 94 + 94(470.47) + 94(5)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XV-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

Александр Шайдаатович Кадырбаев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: kadyr_50@mail.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена актуальной проблеме — истории формирования взаимоотношений государств Средней Азии и Восточного Туркестана (Узбекских ханств и Моголистана), а также киргизских племен Тянь-Шаня, Ферганы и Памира с Джунгарским ханством (кочевым государством ойратов) в XV-первой половине XVIII вв. Исследование строится на основе введения в научный оборот архивных материалов и разноязычных источников. Актуальность изучения вопроса объясняется его ограниченной историографической традицией, т. к. по данной проблеме в современный период нет специальных исследований. Кроме того, актуальность исследования указанной проблемы настоятельно требует междисциплинарного и цивилизационно-культурного подходов. Целью работы является комплексная характеристика развития взаимоотношений между ойратами Джунгарского ханства, с одной стороны, и оседло-земледельческими государствами мусульманских народов Мавераннахра, Хорезма, Ферганы, Восточного Туркестана, а также киргизов, с другой, что позволит пролить свет на драматические события того времени, оказавшие столь важное влияние на исторические судьбы этих народов. Для достижения поставленной цели автор изучил и представил сведения по данной проблеме, почерпнутые из разных источников и подвергшиеся научному анализу в отечественной и зарубежной историографии. Избранные автором хронологические рамки исследования вполне отвечают решаемой в исследовании задаче, поскольку позволяют проанализировать взаимоотношения джунгаров в XV–первой половине XVIII в. с соседними народами и выявить роль последних в истории калмыков и ойратов.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Узбекские ханства, ойраты, киргизы, Джунгарское ханство, Восточный Туркестан, Моголистан, Бухара, Хива, Хорезм, Памир, Фергана.

UDK 94 + 94(470.47) + 94(5)

RELATIONSHIPS OF THE DZUNGAR KHANATE WITH THE NEIGHBORING PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE XV-FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Alexander Sh. Kadyrbaev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of the History of the East

E-mail: kadyr_50@mail.ru

Annotation

The article is devoted to an actual problem — the analysis of the history of the formation of relations between the states of Central Asia and East Turkestan (the Uzbek khanates and Mogolistan), as well as the Kyrgyz tribes of the Tien Shan, Fergana and Pamir, with the Dzungar Khanate (the nomadic state of the Oirats) in the XV-first half of the 18th century on the basis of the introduction of archival materials and multilingual sources into scientific circulation. The relevance of this issue is explained by its limited historiographic tradition, since there are no special studies on this issue in the modern period. In addition, the relevance of studying this problem urgently requires an interdisciplinary and civilizational-cultural approach. The purpose of the work is a comprehensive description of the development of relations between the Oirats of the Dzungar Khanate, on the one hand, and the settled agricultural states of the Muslim peoples of Maverannahr, Khorezm, Fergana, East Turkestan, and the Kirghiz, on the other, which will shed light on the dramatic events that had such an important impact on the historical fate of these peoples. To achieve this goal, the author presented information on this issue, gleaned from various sources and subjected to scientific analysis in domestic and foreign historiography. The chronological framework of the study chosen by the author is quite consistent with the task, since it allows us to analyze the relationship with the indicated neighboring peoples and their role in the history of the Kalmyks and Oirats.

Key words

Uzbek khanates, Oirats, Kirghiz, Dzungar khanate, East Turkestan, Mogolistan, Bukhara, Khiva, Khorezm, Pamir, Fergana.

ВВЕДЕНИЕ

В XV-первой половине XVIII вв. на значительной части азиатского континента сложился мультиполярный мир, представленный, с одной стороны, оазисными народами Средней Азии и Восточного Туркестана, а также киргизами, с другой стороны — государством предков современных калмыков — ойратов Джунгарии. В историографии довольно хорошо изучена история Джунгарского ханства, чью роль как последней кочевой империи Евразии трудно переоценить в многополярной системе международных отношений региона и освещено место в нем джунгарского фактора. Актуальность указанной темы вызывается также необходимостью осветить с исторической точки зрения взаимоотношения Джунгарского ханства с упомянутыми выше народами в исследуемый нами период. Представляется, что кропотливый анализ общей картины состояния взаимоотношений Джунгарского ханства с государствами оазисных мусульманских народов Центральной Азии, а также с киргизами, поможет дать комплексную характеристику противоречивой истории оазисных и горных территорий Центральной Азии в эпоху великих потрясений, как Джунгарского ханства, так и Узбекских ханств, Моголистана и Киргизской степи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология и методика исследования основаны на использовании общенаучных и специально-исторических методов и подходов. Среди них определяющее место занимают принцип историзма и метод системного анализа, позволившие автору создать достоверную картину места и роли Джунгарского государства, государств оазисных мусульманских народов Центральной Азии, а также киргизов в международных отношениях. Большое значение при анализе этих сюжетов имеет принцип объективности, основанный на введении в оборот верифицированных разнообразных источников. Применение в исследовании междисциплинарного и цивилизационного подходов позволило, как мы полагаем, выявить антропологические, культурные и социальные основания самобытных региональных цивилизаций, их взаимодействие и отличительные устойчивые характеристики.

ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение исследуемой нами проблемы имеет более чем вековую традицию. Во второй половине XIX–начале XX вв. в трудах первого казахского ученого Ч.Ч. Валиханова (1985), академика В.В. Бартольда (1914), В.П. Наливкина (1886), В.Я. Басина (1905), а также в исследованиях Е.И. Кычанова (1980), Т.И. Султанова (2001), В.А. Моисеева (1987), А.М. Мокеева (2010) и др. представлены ценные наблюдения о взаимоотношениях ойратов Джунгарского ханства с государствами оазисных и горных мусульманских народов Центральной Азии — узбеками, таджиками, уйгурами, киргизами. Следует обратить внимание на архивные материалы по данной теме, опубликованные в соответствующих сборниках (Казахско-русские отношения..., 1961; Материалы..., 1935). На современном этапе по данной проблематике опубликованы работы Т.И. Султанова (2020), А.Ш. Кадырбаева (2015),

В.П. Санчирова (2005). Вместе с тем, как нам представляется, есть необходимость в насыщении работ по данной проблематике дополнительными источниками, прежде всего, архивными материалами, и здесь, по нашему глубокому убеждению, неисчерпаемое поле исследований для последующих поколений ученых.

Кочевников Джунгарского ханства называли по-тюркски калмаками или калмыками, а по-русски — зенгорцами или зюнгорцами, ойратами (Мокеев, 2010: 93-95). В этногенезе данного народа, в отличие от восточных монголов, или халха-монголов, значительна тюркская струя. Взаимоотношения между джунгарами и кочевыми народами и государствами Центральной Азии начались еще в XV в., почти одновременно с выходом кочевых узбеков как этноса и государства в лице Узбекского улуса на историческую арену Евразии. Ойраты же еще во второй половине XIV в. вышли из-под власти всемонгольского хана и стали управляться своими предводителями — тайши, тайджи, хунтайджи, которые распространили свою власть на территории от западных склонов Хангайских гор на востоке, песков Гоби на юге до Семиречья на западе, верховьев Иртыша и Енисея на севере. В конце первой половины XV в. ойратов возглавил энергичный и предприимчивый Эсен-хунтайджи, объединивший в один союз основные ойратские племена и поколения (известные как чоросы, дэрбэты, торгоуты и хошоуты), сумевший распространить свою власть и на халха-монголов, претендовавший даже на восстановление государства Чингис-хана (Санчиров, 2005: 17-18). В этот период ойраты покинули свою прародину, двинулись на запад в поисках свободных плодородных земель, которые они нашли к северу от Тянь-Шаня — на территории Джунгарии. Постепенно, в течение XV в., они отвоевали территории у своих тюркизированных «родичей» — моголов, чье государство Моголистан ранее возникло в Семиречье на руинах Чагатайского улуса — осколка империи Чингисидов в Восточном Туркестане, ныне известного как Синьцзян. Эсен-хунтайджи наголову разбил хана моголов Вайса и взял его в плен. Уже в это время воины Эсена неоднократно прорывались к Иссык-Кулю и даже доходили до Сыр-Дарьи. Сын Эсен-хунтайджи и его преемник Уз-Тимур-тайши в 1457 г. вторгся в пределы нынешнего Казахстана, захватил земли Узбекского улуса. На границах Мавераннахра — междуречья Аму- и Сыр-Дарьи — ойраты появляются еще в XV в.: хан Моголистана Вайс неоднократно терпел от них поражения и дважды попадал к ним в плен. В 1457 г. с ойратами во главе с Уз-Тимур-тайши сразился правитель Узбекского улуса Абу-л-Хайр-хан — дед Мухаммада Шейбани, основателя Узбекского ханства в Мавераннахре. В этом сражении «ветер победы подул» в сторону ойратов, захвативших Ташкент и Туркестан и принудивших Абу-л-Хайр-хана к миру на своих условиях (Султанов, 2020: 219–225, 242–248).

О величии военной мощи созданного ойратами (в китайских источниках называемыми «элютами» или «вала») кочевого государства свидетельствуют нанесенное ими сокрушительное поражение китайской империи Мин в местности Туму в Монголии в 1449 г. и взятие в плен ее императора. Это был беспрецедентный случай за всю почти к тому времени трехтысячелетнюю историю Китая. В китайской династийной истории «Мин-ши» сказано: «Вала — сильные варвары и... творят зло» (Мин-ши, 1958: 115).

До второй половины XVI в. ойраты стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и Узбекских ханств,

чтобы контролировать торговые маршруты уже начавшего к этому времени приходить в упадок Великого Шелкового пути, подчинить земельные области. Одновременно ойраты вели тяжелые войны с восточными монголами- халхасцами за контроль над всей Монголией и с казахами — за пастбища в Восточном Туркестане. Вытесненные из Монголии ойраты двинулись севернее в обход казахских владений, где в Южной Сибири столкнулись с успешно противостоявшими им Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Экспансия ойратов шла медленно и постепенно. Надо сказать, что случавшиеся поражения в указанных войнах вызывали, в частности, изменение в направлении ойратских миграций.

В 1604-1605 гг. ойраты постоянно совершали набеги на узбекское Хивинское ханство, Хорезм. В 20-х гг. XVII в. против ойратов выступил правитель узбекского Бухарского ханства Имам-Кули-хан, возмущенный грабежами и убийствами, которым подверглись со стороны ойратов купцы из Бухары. Весной 1633-1634 гг. войска Джунгарского ханства вновь пришли в Хорезм, напали на Хивинское ханство и произвели погромы местного населения, проживавшего на правом берегу Аму-Дарьи. Это был первый широкомасштабный поход ойратов на Хорезм. Правитель Хивы Араб-Мухаммад-хан отправился в погоню за уходящими от Хорезма ойратами, отнял у них пленных и захваченную ими добычу, о чем свидетельствует сочинение Абу-ль-Гази-Бахадура — знаменитого историка и хана Хивы (Histoire, 1970: 43). В 1634 г. ойраты были разгромлены объединенными силами казахов, киргизов и узбеков, которых возглавляли казахский хан Джахангир и эмир из Бухарского ханства Ялангуш-бий, он же Жалантос-батыр — предводитель казахских родов алимулы Младшего жуза (Левшин, 1832: 59). В 1678 г. джунгары усилили свой натиск на Восточный Туркестан и овладели городом Яркендом, а затем напали на киргизов, узбеков и казахов, захватили города Ош и Сайрам. В 1683, 1684 и 1685 гг. ойратский хунтайджи Галдан-Бошокту-хан совершил походы на киргизов и в Ферганскую долину. В конце XVII в. влиятельному киргизскому предводителю Арзу-Мухаммед-беку удалось консолидировать под своей властью военные силы ряда киргизских племен и закрепить свое владычество в западных областях Восточного Туркестана. Оно продержалось до начала XVIII в., когда джунгарский хунтайджи Цэван-Рабдан захватил весь Восточный Туркестан, кроме района Хами. Под натиском джунгаров часть киргизских племен откочевала в Ферганскую долину, а также в сторону Гиссара и Куляба (Бартольд, 1963: 511-520). При хунтайджи Галдан-Бошокту-хане — правителе джунгар (1670-1697) — ойраты возобновили военные походы в междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (в Кашгарию и Южный Казахстан). В 1681 и 1684 гг. ойраты подходили к Сайраму, но взяли его со второй попытки. В 1683-1684 г. Галдан-Бошокту-хан ходил походом на Ош и Андижан в Ферганской долине, но был отбит узбеками и киргизами. Джунгарский хунтайджи Цэван-Рабдан после завоевания Восточного Туркестана, произошедшего, по мнению калмыцкого летописца Батура Убаши Тюменя (Тюмень, 1860: 13), в 1710 г., имел намерение отправиться в поход на киргизов и казахов, однако кровопролитные боестолкновения с отрядами маньчжуро-китайских войск империи Цин в районе Хами заставили джунгарского правителя отложить намеченный поход. Еще одной основной причиной откладывания Цэван-Рабданом своих далеко идущих планов

стала масштабная мобилизация цинских войск на границах с Джунгарским ханством. Тем не менее в начале второго десятилетия XVIII в. войска Цэван-Рабдана вновь появились в киргизских кочевьях и подчинили себе несколько сот киргизских семей, которых он привлек к борьбе против казахов, совершивших в 1714 г. очередное нападение на приграничные ойратские кочевья (Моисеев, 1991: 69).

В последующие десятилетия ойраты под предводительством Цэван-Рабдана ввергли в состояние бедствия не только казахов, каракалпаков, но и Узбекские ханства, захваченных ими киргизов. По поводу последних капитан российской службы И. Унковский в составленной им «Выписке о народах, владетелях и городах зюнгорских» отмечал, что Цэван-Рабдан «народом, именуемым бурутами (киргизами — Авт.) завладел, которые кочуют около озера именуемого Тускел (Иссык-Куль — Авт.) ... около 5.000 кибиток» (Моисеев, 1991: 76). Войсками джунгаров во время их похода на Северный Кыргызстан командовал «контайшин (хунтайджи — Авт.), служитель Бату-Менко. Часть киргизов была вынуждена добровольно признать над собой власть Джунгарского ханства, но это был с их стороны преднамеренный шаг с целью собственного спасения. Так, сбежавший в Россию из джунгарского плена киргиз, сообщал российским властям в Тобольске: «... И в то же время улусные их (киргизов-Авт.) люди воеватца не стали и с ними договорились, чтоб им жить в совете и для того отдали они им в аманаты (заложники-Авт.) тридцать человек». Джунгарские дружины также появлялись в княжествах Гиндукуша и Памиро-Алая, где жили памирские киргизы (Моисеев, 1991: 77).

В 1723 г. произошло самое масштабное нападение джунгар на оазисы Средней Азии. Перед этим джунгары заключили мир с маньчжурской династией Цин, правившей Китаем, тем самым обезопасив свои тылы с востока, только после этого они двинули свои войска в пределы кочевий тех казахских и киргизских племен, что сохраняли независимость от Джунгарского ханства. В исторической «памяти киргизского народа сохранился со всеми ужасами разрушительный набег Галдан-Чирена (Галдан-Цэрэна-Авт.), принудивший их (киргизов-Авт.) оставить реку Чу и бежать в Гиссар и Бадахшан (ныне Таджикистан-Авт.). Этот бой был в 1723 году». В этом же году джунгары захватили политический центр казахов — Туркестан (История, 1979:18). Джунгарские войска захватом городов Туркестана, а также Ташкента, отрезали казахские жузы от важных для их экономики городских ремесленных центров и рынков, до этого находившихся под казахским контролем. Печальным следствием джунгарского нашествия был состоящий из казахов, киргизов, каракалпаков поток беженцев, хлынувший в оазисы Мавераннахра, Хорезма и Ферганской долины, приведший к обострению отношений казахов и киргизов с Узбекскими ханствами — Бухарой и Хивой.

Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов в своем представлении на имя российской императрицы Анны Иоанновны, характеризуя отношения казахского Старшего, или Большого жуза с Бухарой, писал: «... потеряв города и провинции контайше (в пользу хунтайджи — правителя джунгар — Авт.)... оною Большою ордою (т.е. Старший жуз — Авт.) подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков разорили...» (Казахско-русские отношения, 1961: 110-111). В Бухару и Хиву ушли некоторые роды казахов Младшего жуза, в Самарканд, Бухару и

Ташкент — казахи Среднего жуза. В результате этого в районах Каратегина, Самарканда, Ходжента (Худжанда), Ферганы, вплоть до Памирских гор стали простирались кочевья части казахов Старшего жуза.

Нашествие джунгаров явилось причиной первого этапа масштабного расселения казахов в Мавераннахре. По словам В.В. Бартольда, «Самарканд в течение семи лет (вероятно, в 1723-1730 гг.) был совершенно покинут жителями, и в Хивинском ханстве в эти же годы были заброшены все селения и пашни, и что в самой Хиве оставалось не более 40 семейств» (Бартольд, 1914: 20). В.П. Наливкин отмечал факт значительного количества беженцев, пришедших в то время в Ферганскую долину из Самарканда и его округи. Убегая от джунгаров, беженцы наводнили Самарканд, Бухару, Хиву, Ферганскую долину, подвергнув голоду местное оседлое население, которое настолько обнищало, что «принуждены были человеческое мясо... есть» (Наливкин, 1886: 61).

В 1722-1724 гг. посол российского императора Петра Великого И. Унковский побывал в расположенной то ли в Иссык-Кульской котловине, то ли в Чуйской долине ставке джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана. В своем «Путевом журнале» он оставил сведения о киргизах Тянь-Шаня и Прииссыккуля, называет их, как и джунгары, «буруты», которые «около озера Тускел (Иссык-Куль) кочуют». Правитель джунгар Цэван-Рабдан, «народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют у озера Тускел (Иссык-Куль) и с Казачьей (Казахской-Авт.) ордою граничат» (Моисеев, 1991: 200). «Бурутов» насчиталось около 5 тысяч кибиток, и на карте Унковского они помещены в местности к западу от Иссык-Куля. Посол побывал только в местности к востоку от Иссык-Куля, около рек Тюп и Джаргалан, и, судя по тому, что он не упоминает в своем «Путевом журнале» «бурутов», можно предположить, что они в этих местах в то время не проживали.

Подтверждают свидетельства Унковского на сей счет и сведения китайских и восточнотуркестанских авторов, а также киргизских народных преданий. В них говорится о том, что значительная часть киргизского народа была вытеснена ойратами из Северного Кыргызстана в Ферганскую долину и что джунгарские хунтайджи перенесли в Прииссыккулье свою ставку. Однако на землях, захваченных Джунгарским ханством в области реки Или и на Тянь-Шане, оставалась еще часть киргизских племен, которые постоянно нападали на ставку повелителя Джунгарского ханства, при этом в районе Иссык-Куля они были в состоянии собирать до «трех тысяч войска доброго». События, связанные с джунгарами, отразились и в эпосе «Манас»: «... на Или же и озере Иссык-Куль кочуют калмыки. В набегах на калмыков сталкиваются все народности, но отношения ногайцев, кайсаков (казахов-Авт.) и киргиз дружественны» (Моисеев, 1991: 72).

Откочевка казахов на запад и юг под натиском джунгарских отрядов привела к нарушению их традиционных отношений с каракалпаками, туркменами и киргизами, а также поставила под угрозу кочевья между Волгой и Уралом подданных России — калмыков Поволжья, которые смогли их сохранить только благодаря военной помощи Российской империи (Бартольд, 1914: 20). Это только по представлениям непосвященных, кочевники кочуют беспорядочно, а на деле маршруты кочевков определялись в течение веков. Поэтому вторжение джунгаров привело к нарушению кочевков казахов по своим традиционным маршрутам, сдвинув их на

кочевки каракалпаков, туркмен и киргизов. Русский подданный, татарин из Уфы М. Юнусов, находившийся в 1725 г. во владениях каракалпаков, в своей «сказке» сообщал, что около Аральского моря между кочующими там каракалпаками и казахами «бывают ссоры и бои». Попытки казахов наладить торговые связи с Узбекскими ханствами через каракалпакские владения были безуспешны — из-за противодействия каракалпаков. В этом же году произошел и поход казахского хана Абулхаира на Бухару против джунгар, окончившийся для него поражением: «Из Бухары к Дорже Назарову (бывшим некоторое время первенствующим тайши Калмыцкого ханства — Авт.) прибыл караван, и сказывали, что «... понеже де прошедшем летом кайсаки (казахи.-Авт.), разделясь на партии ходили под побиты» (Материалы, 1985: 183-184).

В 1727 г. Галдан-Цэрэн, занявший трон хунтайджи Джунгарского ханства, сразу же организовал поход своих войск на Каратегин. В 1730-1731 гг. ойраты в трех сражениях нанесли поражение маньчжуро-китайским войскам. В 1732 г. Галдан-Цэрэн атаковал киргизов, кочевавших в Кетмень-Тюбинской долине.

Шведский пленный Ренат, служивший сначала России, а затем Джунгарскому ханству, создал подробную географическую карту Центральной Азии, дошедшую до наших дней. На так называемой карте Рената (или калмыцкой карте), датированной 1733 г., «буруты», т. е. киргизы, отмечены только в Ферганской долине, к югу от Сыр-Дарьи. Вероятно, данный факт обусловлен тем, что в это время некоторая часть киргизских племен была вытеснена из Тянь-Шаня ойратами и вернулась туда только после разгрома Джунгарского ханства империей Цин (Валиханов, 1985: 324).

В 1735 г. джунгары после долгих переговоров заключили мир с маньчжурским богдыханом (повелителем Китая) и стали готовиться к нападениям на своих западных соседей. В 1742 г. ойраты совершили нападение на киргизов. Те, в свою очередь, пользуясь осложнением положения Джунгарского ханства на его южных границах и тем, что ойраты были заняты укреплением своего могущества в оазисах Мавераннахра и Ферганы, в 1742 и 1748-1749 гг. стали совершать разорительные набеги и вторжения в Ферганскую долину и Восточный Туркестан. В 1748 г. ойраты столкнулись в Ферганской долине с киргизами, которые выступили как союзники узбекского Кокандского ханства. Джунгарским войскам под командованием военачальника Сайн-Белека во время очередного похода на Фергану успешно противостояли кокандцы и киргизы, вследствие чего Коканд джунгары взять не смогли, лишь разорив близлежащие к нему селения. Все атаки джунгаров на Ферганскую долину были отбиты объединенными силами узбеков и киргизов, и завоеватели были изгнаны за ее пределы (Моисеев, 1991: 185).

К началу XVII в. государства Средней Азии по своей структуре были аналогичны Восточному Туркестану, находившемуся под властью менее интегрированного, чем среднеазиатские государства, Могольского государства. Подданные Могольского государства по своему происхождению были монголами, но в произношении среднеазиатских жителей их название трансформировалось в «моголы». Моголы к указанному времени почти полностью тюркизировались, в основной своей массе вели полукочевой и оседлый образ жизни. В столице Яркенде и в уделах Восточного Туркестана могольская военно-кочевая знать и ее роды занимали все

престижные посты. Уже в первой половине XVII в. на могольской службе появляются западные монголы-ойраты из набравшего в то время могущество Джунгарского ханства, которые вытеснили в Восточный Туркестан киргизов, сменивших ранее служивших моголам казахов (Зотов, 1991: 15-40).

В XVII в. основной опорой могольских правителей вместе с ойратами и киргизами становятся влиятельные мусульманские религиозные авторитеты — ходжи, главы суфийского ордена накшбандие — ходжаган, выходцы из Мавераннахра — Бухары и Самарканда, распространившие свою деятельность на Восточный Туркестан. Последний правитель Могольского государства Исмаил-хан пытался свести к минимуму влияние ходжей, но его попытки были безрезультатны, более того, в 1683 г. он был свергнут в результате разветвленного заговора, участниками которого, помимо ходжей, были хунтайджи Джунгарского ханства Галдан Бошокту-хан, глава Тибета и ламаистской тибетской буддийской церкви (Кычанов, 1980: 30-40).

Ходжа Аппак, являвшийся основным инициатором свержения Исмаил-хана, стал духовным и светским главой Восточного Туркестана — теократическим монархом. В его лице Джунгарское ханство, находившееся тогда на пике могущества и контролировавшее весь Восточный Туркестан, получило верного вассала. Единственным местом в Восточном Туркестане, где моголы, также ставшие вассалами джунгар-ойратов, сохранили свою власть, был Турфанский удел. Хунтайджи Цэван-Рабтан поставил Восточный Туркестан в еще большую зависимость от подвластного ему Джунгарского ханства, с этой целью он приказал увезти ходжей как аманатов-заложников в Джунгарию.

В 1720 г. ходжа Даниял был возвращен в Кашгарию, восстановлен в правах джунгарского вассала, а его сыновья получили уделы по всей стране, кроме старшего сына — ходжи Джихана, ставшего аманатом при дворе хунтайджи. После смерти Данияла Джихан получил от нового хунтайджи Галдан-Цэрэна яркендский удел, но не верховную власть над Восточным Туркестаном, которая по-прежнему оставалась в руках правителя ойратов (Кадырбаев, 2015: 482–487).

Таким образом, ходжи суфийского ордена накшбандия в немалой степени способствовали внутренней дестабилизации державы Моголов, закончившейся потерей ее независимости и угасанием правящей династии. В Восточном Туркестане того времени зримо обозначилось наличие четырех центров власти: восточного, распавшегося на два удела — Комул и Турфан; центральных районов, чьи владельцы не доверяли ходжам Яркенда и Кашгара, а также центров в Яркенде и в Кашгаре. Население упомянутых оазисов Восточного Туркестана в этот период было полностью мусульманским и тюркоязычным, а их оседлые жители, ныне известные как уйгуры, в тот период не обозначались этим этнонимом.

В XIII–XIV вв. наименование «уйгур» относилось к оседлому тюркоязычному населению Турфанского оазиса, исповедовавшего буддизм и христианство несторианского толка. Данное название этноса исчезло после исламизации региона. Жители Кашгара, Яркенда, Комула и Турфана в это время, вплоть до начала XX в., были известны в мире под названиями «мусульмане», «восточные тюрки», «сарты Малой Бухарии» или как «кашгарлыки» — кашгарцы, «турапанлыки», турфанцы и т. д. [Валиханов, 1985: 97–100]. Все они находились в вассальной зависимости от Джунгарского

ханства. Государственность Восточного Туркестана просуществовала около полувека, вплоть до времени экспансии в регион маньчжурских богдыханов — правителей империи Цин, чьи армии в 1644 г. взяли Пекин, положив начало завоеванию Китая.

Нам представляется, что будет правильным рассматривать политику маньчжурских повелителей Китая в отношении Восточного Туркестана в контексте цинско-джунгарских отношений. Правители Цинов, противоборствующие с хунтайджи Галдан-Цэрэном, понимали стратегическую ценность Комула и Турфана у ворот Кашгарии, земли которой во второй половине XVIII в. стали основной базой джунгарских походов на союзника Цинов Халху — Восточную Монголию. К 1720 г. цинские войска в составе китайцев, маньчжуров, халха-монголов уже находились в Комуле, Пинчане и Турфане. Цины, стараясь удержать Турфан, усилили здесь свой гарнизон, объявили, что воюют только с джунгарами, и в связи с этим отпустили пленных турфанцев. При этом Цины стремились заключить союз с Российской империей против джунгар. Но Россия, хотя и совершила в 1715–1716 гг. неудачную попытку захватить у джунгар Яркенд, в 1730–1731 гг. отвергла предложения Цинов о совместных военных действиях против Джунгарского ханства (Зотов, 2008: 98–107). В то же время в тот период угроза власти Джунгарского ханства в Восточном Туркестане исходила не только от империи Цин, но и от киргизов. Попытки джунгарского хунтайджи пресечь вторжения киргизов в Восточный Туркестан потерпели неудачу. Ополчения киргизов под общим командованием бия Ахмета дважды наносили поражения высланным против них джунгарским войскам. Летом 1748 г. киргизские дружины, осадив город Кашгар, разорили его окрестности и округу, захватили в плен около полутора тысяч человек. Затем киргизы организованно отошли и в погоню за ними был отправлен ойратский отряд под началом зайсанга Якба, который попал в поставленную киргизами засаду: «Триста человек у него буруты (киргизы-Авт.) заманили, вперед пропустили, мост разобрали, а назад не пропустили и прибили всех триста человек без остатку и довольно коней отогнали». В 1749 г. ойратский нойон Даваци, претендовавший в то время на трон Джунгарского ханства, выставил 1000 подчиненных ему воинов для похода против киргизов, осадивших город Кашгар. Русским войскам в этом же году из разных источников стало известно, что «Кашкар (Кашгар) был осажден от киргис (киргиз), которые жили блис Кашкара ... и было де оных киргис тысячи три или четыре и полонили из кашкарских деревень жен и детей немалое число и на то время поспешили калмыки тысяч тридцать и тех киргис всех прибили и полон кашкарский отбили и отдавали обратно на выкуп денег по дватцати и по тритцати, а в той силе был на-большой зайсан Егба (Якба)» (Моисеев, 1991: 184). Пользуясь сложной ситуацией в Джунгарском ханстве, накануне его краха под натиском маньчжуро-китайских войск империи Цин, на его территорию стали вторгаться кокандцы, а также киргизы, пытаясь вернуть свои кочевья по северному берегу озера Иссык-Куль.

К этому времени ставка правителей Джунгарского ханства обосновалась в Прииссыккулье, где их власть никем не оспаривалась, а их многочисленные войны с узбеками, казахами и киргизами не могли поколебать джунгарское владычество на этих землях, вплоть до падения Джунгарского ханства под натиском империи Цин. Галдан-Бошокту-хан был первым джунгарским владыкой, облюбовавшим для себя в 1759 г. кочевые земли, главным образом в долине реки Или, хотя известно,

что он иногда проводил зиму у берегов Иртыша. Вероятно, именно с этого времени земли долины Или и Прииссыккуля стали считаться личным доменом и собственностью джунгарских хунтайджи. Тюркские кочевые народы постепенно и методично вытеснялись с этих мест джунгарами, только ряд киргизских племен, несмотря на давление джунгар, в XVIII в. еще сохраняли свои кочевья около Иссык-Куля.

Ойраты, по сравнению с Узбекскими ханствами, казахскими жузами и киргизами, обладали заметным преимуществом в вооружении, имели единую, слаженную военную структуру. Созданию жизнеспособной военной системы в Джунгарии способствовали собственное независимое производство вооружения и военного снаряжения, милитаризация практически всех сторон жизни общества, жесткое военно-административное управление и пр. Кроме того, сплочению ойратов содействовали их высокий моральный дух и боевой настрой, необходимые в условиях, когда со всех сторон окружают враги, об этом свидетельствуют материалы российских государственных архивов: «Со всех сторон мы (ойраты — Авт.) окружены неприятелями — с одной стороны хасаки (казахи — Авт.), с другой буруты (киргизы — Авт.). Всюду на караулы требуются большие отряды, да притом и ежегодно ... не знаем, как устоит наше царство?» (Валиханов, 1985: 526). Как видим джунгары, находясь в иноязычном, иноконфессиональном окружении, называют киргизов и казахов среди своих основных врагов.

В 1737 г. джунгарские войска предприняли три похода на юг в направлении Памирских гор — на Бадахшан. Последний из этих трех походов закончился для джунгаров трагично: их войско, возвращаясь из Бадахшана, попало в засаду, и было почти полностью истреблено киргизами Каратегина. Надо отметить, что к 40-50-м гг. XVIII в. объединение казахских жузов с учетом поддержки их со стороны Узбекских ханств, киргизов и каракалпаков могло уже в определенной степени противостоять Джунгарскому ханству.

В 1740 г. войска повелителя Персидской державы Надир-шаха Афшара захватывают Бухарское и Хивинское ханства, при этом поддержав Кокандское ханство в его войнах с джунгарами (Наливкин, 1886: 62–65). В 1741 г. войсками Джунгарского ханства был захвачен город Ташкент, где хунтайджи Галдан-Цэрэн поставил управлять своего наместника Айбека. Ташкент уже в то время являлся крупным ремесленным центром, находился на перекрестке торговых путей, занимал важное стратегическое положение в Средней Азии, и овладение им усилило позиции джунгаров в Мавераннахре. Поэтому правитель узбекского Кокандского ханства Абд-ал-Керим-бий решил овладеть этим городом.

Весной 1745 г. Абд-ал-Керим-бий во главе 10 тыс. кокандских воинов подошел к Ташкенту, жители которого «без всякой баталии сдались», а «главный Айбек из Ташкента убежал». Однако джунгаро-кокандская война продолжалась еще целый год, тем не менее Кокандскому ханству удалось удержать Ташкент под своей властью. Владение Ташкентом означало контроль над всеми ремесленно-торговыми центрами в Присырдарье, поэтому мирная передышка была короткой и война Коканда с ойратами возобновилась и шла до осени 1745 г. — до смерти хунтайджи Галдан-Цэрэна. Большинство казахских владетелей, несмотря на попытки ханов Коканда вовлечь их в кокандско-джунгарский конфликт на своей стороне, уклонились от участия в этой войне, кроме влиятельного бия Старшего жуза Толе, поселившегося с подвластными ему родами в пределах Кокандского ханства. Новый хунтайджи Цэван-Доржи

начиная с 1747 г. до середины XVIII в. ежегодно отправлял войска в походы на Кокандское ханство, но ни один из них не был успешным. С 50-х гг. XVIII в. усилилась угроза джунгарам с востока, со стороны империи Цин, военное противостояние с которой стала в итоге для ойратов роковой и ослабило Джунгарское ханство. Оно было вынуждено прекратить военную активность на западных и юго-западных границах. Кокандскому ханству только лишь после разгрома Джунгарского ханства в 1758 г. и смерти в 1781 г. хана Среднего жуза Аблая, приведшей к ослаблению казахской государственности, удалось взять реванш и восстановить свою власть над Ташкентом, Туркестаном, Сайрамом, а также Прииссыккульем и Южным Казахстаном (Кадырбаев, Сыздыкова, 2019: 249–250).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Годы джунгарского нашествия вошли в историю оазисных и кочевых народов Центральной Азии как время тяжелейших испытаний, оставившее на долгое время негативный след в жизни и сознании этих народов. Кочевники — киргизы, казахи, каракалпаки — лишились в результате частых войн с джунгарами богатых пастбищ в Семиречье, Приаралье и Прииссыккулье. Оазисные народы — узбеки и таджики — понесли большие материальные и людские потери, у них были разорены городские ремесленные центры, земледельческие хозяйства, расстроены столетиями установившиеся маршруты кочевков на всей территории региона. Вытеснение джунгарами оазисного населения узбеков и таджиков из городов привело к их кризисному состоянию, а изгнание киргизских родов на западные и юго-западные границы Семиречья и Прииссыккуля осложнило вопрос о кочевых пространствах между казахами и киргизами. Поток вынужденных беженцев привел к разорению оазисного населения Мавераннахра и Ферганской долины. Значительно ослабили хозяйственно-политические связи между оазисными и кочевыми народами Мавераннахра, Хорезма, Ферганы и Восточного Туркестана, произошло дальнейшее усиление политической раздробленности региона Центральной Азии. Восточный Туркестан, находившийся под властью Джунгарского ханства, хотя и не испытал масштабных потрясений, тем не менее его земли также стали ареной боевых действий, вызванных набегами киргизов на города Кашгар и Яркенд, а также походом русских войск на Яркенд. Джунгарское ханство не вмешивалось во внутреннюю жизнь мусульманских оазисных и кочевых народов, не покушалось на их религию и культурные традиции, установило на территории приемлемую систему налогообложения, выстроило в целом достаточно эффективную модель управления Восточным Туркестаном.

В результате опустошительного нашествия джунгаров претерпела глубокие изменения система социальных отношений в оазисных и кочевых обществах региона. В Мавераннахре, Фергане, Семиречье и Прииссыккулье значительно увеличилось число бедных. Многие из их жителей вынуждены были бежать на север и запад, за пределы своих оазисов и кочевий. В эпоху непрерывных войн возросло влияние военного сословия; в это время могущество правителей Узбекских ханств, киргизских, каракалпакских и казахских биев стало определяться, главным образом, силой и числом преданных им воинов. Сложными оставались взаимоотношения кочевых народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен — как между собой,

так и с Узбекскими ханствами — Бухарским, Хивинским и Кокандским, с другими владельцами Восточного Туркестана. К тому же сложившаяся в регионе на тот момент сложная ситуация усугубилась нашествием на Бухару и Хиву персидского Надир-шаха. Добиться мира с западными и южными соседями, объединиться с ними, насколько это было возможно, стало одной из главных внешнеполитических задач правителей оазисной Средней Азии, чтобы суметь противостоять своему главному противнику — Джунгарскому ханству.

К слову сказать, это вековое противостояние народов Средней Азии и джунгаров отразилось в эпосах среднеазиатских народов, например, в узбекском эпосе «Алпамыш» (1958), в легендарной форме повествующем о сложных узбекско-ойратских отношениях, борьбе узбеков с нашествием ойратов Джунгарии, а также в киргизском народном эпосе «Манас» (1999). Для истории киргизов эпоха джунгарского нашествия интересна еще и тем, что Джунгарское ханство имело опосредованные связи с народами Саяно-Алтая, потомками средневековых енисейских кыргызов (хакасами и горными алтайцами), на часть земель которых также распространялась джунгарская власть. Можно предположить, что переселение киргизов из Сибири в горы Тянь-Шаня и Прииссыккулья произошло именно в джунгарскую эпоху, хотя об этом гипотетическом факте нет сведений в архивных источниках и народной памяти киргизов. Тем не менее Ч.Ч. Валиханов отмечает по этому поводу: «большинство (ученых — Авт.) держится того мнения, что нынешние дикокаменные буруты (т.е. киргизы Тянь-Шаня и Прииссыккулья, Ферганской долины — Авт.) не более, не менее, как енисейские киргизы (кыргызы — Авт.), переселенные джунгарами на новые кочевки» (1985: 333). Из района Андижана в Ферганской долине и р. Чу в места своих прежних кочевий около Иссык-Куля киргизам удалось вернуться в тот момент, когда киргизы и узбеки с юга, а казахи с севера, около 1774 г., изгнали за реки Чилик и Чарын уцелевших после маньчжуро-китайской резни джунгаров. Киргизы и казахи приняли активное участие в грабеже волжских калмыков-торговцев во главе с ханом Убаши, бежавших в 1771 г. через их кочевья в Джунгарию из России. Небольшая часть джунгаров осталась на землях Кыргызстана, приняла ислам, и таким образом в киргизской среде появился род сарт-калмаков. Данный род ассимилировался среди местного коренного населения, однако, несмотря на исторические перипетии, сарт-калмыки до сегодняшнего дня сохранили память о своем джунгарском происхождении.

Падение Джунгарского ханства и исчезновение его с политической карты Евразии привели к запустению бывших кочевий джунгарских племен в Восточном Туркестане, резкому сокращению монголоязычного населения в этом регионе, прежде всего, ойратов. Киргизы и казахи возобновили откочевки на «освободившиеся» земли, которые они занимали еще до прихода Джунгарского ханства, несмотря на активное препятствование этому процессу правителей империи Цин, захвативших к этому времени весь Восточный Туркестан, переименовав его в Синьцзян — в переводе с китайского «новая граница».

В Центральной Азии возникла новая геополитическая ситуация, связанная с тем, что восточная часть Центральной Азии и Восточный Туркестан стали частью империи Цин, а западная ее часть — Мавераннахр, Хорезм, Фергана, Семиречье, Прииссыккулье, Казахские степи и пустыни Закаспия — подпала под влияние и

власть Российской империи. Такой региональный миропорядок стал возможен только после падения Джунгарского ханства, народы которого стали первой трагической жертвой китайской экспансии. В наши дни вопрос выживания и сохранения себя как этносов части тюркских народов Восточного Туркестана — уйгуров, казахов, киргизов, а также памирцев, ныне находящихся в составе КНР, не потерял своей актуальности.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого общества в составе дореволюционной России».

Литература

- Алпамыш. *Узбекский героический эпос* (1958). Москва: Детгиз.
- Бартольд, В.В. (1963). *Киргизы. Исторический очерк*. Москва: Изд-во восточной литературы. Сочинения. II. 1. 473–547.
- Бартольд, В. В. (1914). *К истории орошения Туркестана*. СПб.: тип. «Сельский вестник».
- Валиханов, Ч.Ч. (1985). *Собрание сочинений в 5 т. 2*. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии.
- Зотов, О.В. (2008). Проблемы «судьбы Синьцзяна» в историографии и действительности. *Общество и государство в Китае*. 38. 1. 98–107.
- Зотов, О.В. (1991). *Китай и Восточный Туркестан: межгосударственные отношения*. Москва: Наука.
- История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней)* (1979). В 5 томах. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР.
- Кадырбаев, А.Ш. (2015). Ходжаган — теократические вожди Восточного Туркестана от эпохи Мин до Цин. *Общество и государство в Китае*. 45. 1. 482–489.
- Кадырбаев, А.Ш., Сыздыкова, Ж.С. (2019). Страна на Тянь-Шане и Прииссыккулье. *Очерки истории Кыргызстана с древнейших времен до начала XXI века*. Серия «История стран Центральной Азии». Москва: ООО «4 Принт».
- Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках: Сборник документов и материалов* (1961). Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР.
- Кычанов, Е.И. (1980). *Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане*. Новосибирск: Наука.
- Левшин, А.И. (1832). *Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких, орд и степей*. II, СПб.: Типография Карла Крайя.
- Манас: Киргизский героический эпос. По вариантам С. Оразбак-уулу и С. Каралаева* (1999) / Составители З. Бектенов, К. Нанаев. Бишкек.
- Материалы по истории каракалпаков* (1935). Сборник. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Моисеев, В.А. (1991). *Джунгарское ханство и казахи. XVII-XVIII вв.* Алма-Ата: «Гылым».
- Мокеев, А.М. (2010). *Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане*. Бишкек: изд-во КТУ «Манас».

- Наливкин, В.П. (1886). *Краткая история Кокандского ханства*. Казань: тип. Ун-та, 215 с.
- Санчилов, В.П. (2005). Ойраты в составе Монгольской империи. *Монгольская империя: этно-политическая история*. Улан-Удэ: изд-во Бурятского научного центра СО РАН. 158-189.
- Соинь Бона бэнь (1958). *Эршисы ши* (24 династийные истории). Шанхай.
- Султанов, Т.И. (2020). *Казахи. Судьба народа и страны в Средние века*. Алматы: «Дайк Пресс».
- Тюмень, Батур-Убаши (1860). *Сказание о дербен-ойратах, составленное Батур Убаши Тюменем*. Перевод с калм. Ю. Лыткина. Астрахань: губ. тип.
- Histoire des Mogols et de Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Kha: Souverain de Kharezme et Historien Djaghatai. 1603-1664. AD Texte-Turc Oriental*=(изд.). Publie après le Manuscrit du Musée asiatique de St.-Petersbourg. Collectionne sur Manuscrits de publie, traduite et annotée par le Baron Demession. traduite et annotée` par Le Baron Desmaisons (1970). Amsterdam.

References

- Alpamysh: Uzbekskij geroicheskij epos* (1958). Moscow: Detgiz (in Russian).
- Bartol'd, V.V. (1963). Kirgizy. Istoricheskij ocherk. *Sochineniia*. II, 1. *General works on the history of Central Asia*. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe. Moscow: Izd-vo vostochnoj literatury, 473–547 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. (1914). *K istorii orosheniia Turkestana*. SPb.: tip. “Selskij vestnik” (in Russian).
- History of Moguls and Tatars by Aboul-Ghazi Behadour Kha: Ruler of Kharezme and Historien Djaghatai. 1603-1664. AD Text-Eastern Turkish*=(изд.). Published after the Manuscript of the Asian Museum of St. Petersburg. Collected from published manuscripts, translated and annotated by Baron Demession, translated and annotated by Le Baron Desmaisons (1970). Amsterdam (in French).
- Istoriia Kazakhskoj SSR (s drevnejshikh vremen do nashikh dnei)* (1979). V 5 t. 3. Alma-Ata: “Nauka” KazSSR (in Russian).
- Kadyrbaev, A.Sh. (2015). Khodzhan — teokraticheskie vozhdii Vostochnogo Turkestana ot epokhi Min do Tsina. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 45. 1. 482–489 (in Russian).
- Kadyrbaev, A.Sh., Sydykova, Zh.S. (2019). *Strana na Tian'-Shane i Priissykkul'e. Ocherki istorii Kirgystana s drevnejshikh vremen do nachala XXI v. Seriia “Istoriia stran Tsentral'noj Azii”*. Moscow: OOO “Print” (in Russian).
- Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh: Sbornik dokumentov i materialov* (1961). Alma-Ata: Izd-vo Akad. Nauk KazSSR (in Russian).
- Kychanov, E.I. (1980). *Povestvovanie ob ojratskom Galdane Boshoktu-khane*. Novosibirsk: Nauka: Sib. Otd-nie (in Russian).
- Levshin, A.I. (1832). *Opisanie Kirgiz-kazach'ikh ili Kirgiz-kajatskikh ord i stepej*. II, SPb.: Tip. Karla Krajia (in Russian).
- Manas: Kirgizskij geroicheskij epos* (1999). Po variantam S. Orazbak-uulu i S. Karalaeva / Sost. Z. Beknetov, K. Nanaev. Bishkek (in Russian).
- Materialy po istorii karakalpakov* (1935). Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Moiseev, V.A. (1991). *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi. XVII-XVIII vv.* Alma-Ata: “Gylym” (in Russian).
- Mokeev, A.M. (2010). *Kyrgyzy na Altae i na Tian'-Shane*. Bishkek: izd-vo KTU “Manas” (in Russian).
- Nalivkin, V.P. (1886). *Kratkaia istoriia Kokandskogo khanstva*. Kazan': tip. Un-ta, 1886 (in Russian).
- Sanchirov, V.P. (2005). Ojraty v sostave Mongol'skoj imperii. *Mongol'skaia imperiia: etnopoliticheskaia istoriia*. Ulan-Ude: izd-vo Buriatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 158-189 (in Russian).

Soyin bona ben (1958). *Ershisy shi (24 dynasty histories)*. Shanghai (in Chinese).

Sultanov, T.I. (2020). *Kazakhi. Sud'ba naroda i strany v srednie veka*. Almaty: "Dajk Press" (in Russian).

Tumen' Batur-Ubashi (1860). *Skazanie o derben-ojratakh, sostavlennoe Batur-Ubashi Tumenem*. Perevod s kalm. U. Lytkina. Astrakhan': gub. tip. (in Russian).

Velikhanov, Ch.Ch. (1985). *Sobranie sochinenij*. V 5 t. 2. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoj sovetskoj entsiklopedii (in Russian).

Zotov, O.V. (2008). Problemy "sud'by Syn'tsziana" v istoriografii dejstvitel'nosti. *Obshchestvo I gosudarstvo v Kitae*. 38. 1. 98–107 (in Russian).

Zotov, O.V. (1991). *Kitaj i Vostochnyj Turkestan: mezhhgosudarstvennye otnosheniia*. Moscow: Nauka (in Russian).